

УДК 930.23
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400
EDN HMCNNV
Обзорная статья

О роли воеводского управления Якутского уезда в процессе складывания пограничья между Российским и Китайским государствами в XVII в.

Борисов А.А.¹ , Борисов Ан.А.²

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58;

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1
E-mail: borisov.arsen01@mail.ru, a_a_borisov@mail.ru

Аннотация. В работе на основе документов якутской воеводской канцелярии XVII в. рассматривается деятельность администрации и служилых людей Якутского уезда по освоению новых земель на Дальнем Востоке, приведению в подданство русского царя населявших регион народов, установлению границ с Китаем. Эти действия в современном понятии можно трактовать как внешнеполитические и рассматривается их роль в складывании пограничной обстановки на дальневосточных рубежах России в XVII в. Исследуются первые походы, организованные якутскими воеводами в начале 1640-х гг., в бассейн р. Амур, прослежены особенности их деятельности в дальнейшем, в 1650-х гг. Несмотря на то, что с середины столетия главная роль в укреплении российского присутствия на Дальнем Востоке переходит к нерчинским, иркутским и другим воеводам, и в последующие годы на якутских воевод были возложены некоторые внешнеполитические функции. Укрепление Якутского острога, действия якутских служилых людей на побережье Охотского моря, регулирование передвижений ясачного населения Якутского уезда на границу с Цинской империей также являются проявлениями внешней политики Российского государства, в которых активную роль играли представители якутского воеводского управления.

Ключевые слова: Якутское воеводское управление, функции, внешняя политика, якутская воеводская канцелярия, границы, походы, Дальний Восток

Для цитирования: Борисов А.А., Борисов Ан.А. 2025. О роли воеводского управления Якутского уезда в процессе складывания пограничья между Российским и Китайским государствами в XVII в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 392–400. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400. EDN: HMCNNV

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Role of the Voivodeship Administration of the Yakut District in the Formation of the Border between Russia and China in the 17th Century

Arseniy A. Borisov ¹ , Andrian A. Borisov ²

¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russia;

² Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russia
E-mail: borisov.arsen01@mail.ru, a_a_borisov@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of the administration and the service people of the Yakut district in developing new lands in the Far East. The study is based on the documents of the 17th century Yakut

© Борисов А.А., Борисов Ан.А., 2025

voivodeship office. The authors investigate processes of bringing the peoples inhabiting the region to the citizenship of the Russian tsar and establishing borders with China. These actions in the modern concept may be interpreted as foreign policy. Their role in shaping the situation on the Far Eastern borders of Russia in the 17th century is being considered. The article discusses the first campaigns organized by the Yakut voivodes into the basin of the Amur river in the early 1640s and look into the specifics of their activities in the 1650s. Though the main role in strengthening the Russian presence in the Far East was transferred to the Nerchinsk, Irkutsk and other voivodes in the middle of the 17th century, the Yakut voivodes were still entrusted with some foreign policy functions in subsequent years. Representatives of the Yakut voivodeship office also played an important role in other Russia's foreign policy activities, such as strengthening of the Yakut stockaded town, the actions of Yakut military personnel on the coast of the Sea of Okhotsk, and the regulation of the movement of the Yakut District's rural population to the border with the Qing Empire.

Keywords: Yakut voivodeship administration, functions, foreign policy, Yakut voivodeship chancellery, borders, campaigns, the Far East

For citation: Borisov A.A., Borisov An.A. 2025. On the Role of the Voivodeship Administration of the Yakut District in the Formation of the Border between Russia and China in the 17th Century. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 392–400 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400. EDN: HMCNNV

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В последнее время отношения России с восточными странами становятся всё более интенсивными, в частности с Китаем. Для эффективного построения отношений немаловажно знать историю складывания внешней политики России на Дальнем Востоке. Данная история берёт начало с первой половины XVII в., когда на картах территории Дальнего Востока изображались самыми разнообразными и в большинстве нереалистичными способами. Не было чётких представлений у европейцев о территориях севернее молодой империи Цин, образованной в 1644 г. С запада к ним активно продвигались русские землепроходцы, а близко расположенный Китай по ряду причин не продвигал свои границы на север. До сих пор между Россией и КНР существуют разногласия в урегулировании границ некоторых территорий Дальнего Востока в связи с ранними этапами их освоения. Город Якутск, будучи дальневосточным городом и фактически старейшим из них, вскоре будет отмечать своё 400-летие. Город на протяжении длительного времени в XVII–XVIII вв. в силу своего геополитического положения сохранял свой административный статус форпоста Российского государства на Дальнем Востоке. Актуальность изучения заявленной темы связана с осмыслением исторического опыта государственного управления в регионах России, особенно на таких отдалённых окраинах, которые расположены на северо-востоке Азии и Дальнем Востоке.

Цель исследования: рассмотреть роль Якутского воеводства в процессе складывания российско-китайского пограничья на дальневосточных территориях в XVII в.

Задачи:

- 1) выявить источники, в которых отразилась внешнеполитическая деятельность якутского воеводского управления;
- 2) рассмотреть характерные действия служилых людей, в том числе воевод Якутского уезда, имеющие отношение к внешней политике;
- 3) показать роль этих действий в отношениях с Китаем в рамках рассматриваемого периода.

Источниковая база. Первичным источником в работе выступает корпус документов Якутской приказной избы из фондов Российского государственного архива древних актов: наказные памяти, грамоты, указы и т. п. Вторичными источниками выступают работы преимущественно отечественных учёных советского периода, поскольку в современный период имеется недостаток больших работ по данной теме исследования.

Степень изученности. Вопросом государственного управления регионами занимались различные чиновники XIX в., но косвенно и в основном с юридической точки зрения. Углубленным изучением Якутского уезда и его воеводского управления занимались преимущественно в советский период. Самыми яркими исследователями были Сафронов Ф.Г. и Иванов В.Н., в работах которых Якутский уезд находится в центре основного внимания [Сафронов, 1978]. Особенно это видно в работах Иванова В.Н., в которых он изучил процесс вхождения территории Якутии и основные вехи становления Якутского уезда [Иванов, 1999]. Работы по внешнеполитическим связям России и Китая XVII в. раскрывают в основном непосредственные действия центральной власти и мало затрагивают деятельность «местных» властей. Масштабных обобщающих трудов, в которых углубленно рассматривается начальный этап становления российско-китайских отношений XVII в., в регионе не было.

Объекты и методы исследования

В настоящей исследовательской работе основным объектом изучения являются функции, полномочия и деятельность якутского воеводского управления, которые вверялись якутским воеводам и их подчиненным в рассматриваемый период из столицы в период «наивысшей» самостоятельности данного уезда, которая так или иначе затрагивала отношения с иностранными государствами и инородцами (иноверцами) дальневосточного региона Российского государства в XVII–XVIII вв. Более обобщенно данный регион носит название Северо-востока Азии. В работе применяются общенаучные методы – анализ и синтез и частнонаучные – историко-сравнительный и типологический. Ведущими методами в работе являются типологический анализ и синтез в первую очередь корпуса документов Якутской приказной избы по данной тематике, что позволит выяснить роль администрации уездного центра Якутска и людей, находившихся на службе данного государственного учреждения, в деятельности Российского государства на современных дальневосточных территориях в XVII в. в отношениях с Китайским государством.

Результаты и их обсуждение

В 1620-е гг. русские землепроходцы достигли земель нынешней Якутии. В 1632 г. был заложен Ленский (Якутский) острог, куда первоначально назначались приказчики из Енисейска (центра одноименного воеводства). Однако в 1638 г. для облегчения управления данными обширными территориями царь утверждает новый уезд с воеводским управлением с центром в Якутском остроге. Якутский уезд приобрёл типичную структуру воеводского управления и стал пограничным, поскольку в дальнейшем исследуемые земли северо-востока Азии автоматически попадали под управление якутских воевод. Вскоре рост территории уезда привёл к столкновению с геополитическими интересами восточных стран [Иванов, 1999].

Система уездного управления, сформировавшаяся в XVI – начале XVII вв., не имела чёткого определения функций того или иного уезда, а потому функции их глав – воевод – разнились в зависимости от специфики региона. Каждый воевода при назначении получал царскую наказную грамоту, которая являлась своеобразной инструкцией для назначаемого человека, содержащей его функции, а также для его подчинённых. То есть не только между уездами, но и у каждого отдельного воеводы могли отличаться вверенные ему функции, несмотря на общую схожесть [Ерошкин и др., 2008].

Якутский уезд обладал рядом специфических черт:

- обширная территория, ведь под властью Якутского воеводы на протяжении XVII в. – в начале XVIII в. была большая часть территорий современного Дальнего Востока России;
- сложные географические условия: суровый климат, малопригодный для сельскохозяйственной деятельности ландшафт, полиэтничность местного населения и т. п. [Аржакова и др., 2012];

– окраинное положение на северо-востоке Азии рядом с ещё не исследованными землями и государствами;

– близость иностранных государств, в особенности Китая, Японии, с которыми у России до XVII в. практически не было прямых взаимоотношений.

Следовательно, перед воеводой и служилыми людьми Якутского острога встал ряд нетипичных, например, для центральных уездов задач: приведение в подданство и поддержание благоприятных отношений с иноверцами, освоение новых земель, контроль за деятельностью соседних государств и т. д. [Сафронов, 1978]. Якутский уезд называли также «разрядом» по аналогии с другими крупными пограничными военно-административными областями, например, Белгородским, Севским, Смоленским и др., некоторые из них состояли из нескольких уездов. Отсюда, очевидно, проистекают причины, по которым якутских воевод наделяли более широкими полномочиями.

В первую очередь стоит обратить внимание на походы русских землепроходцев, которые фактически были связаны с внешнеполитическими задачами. Продвигаясь по обширной территории Сибири, они занимались процессом колонизации и установления контактов с иноверцами, некоторые из которых уже находились под властью других государств. Территория будущей Якутии стала одной из первых в рассматриваемом регионе на пути служилых людей Российского государства к Тихому океану. Следовательно, Якутия в скором времени превратилась в форпост продвижения царского правительства в северо-восточную Азию, а Якутский острог стал важным опорным пунктом, будучи старейшим городом Дальнего Востока России. О важности могут свидетельствовать большие материальные суммы и ресурсы, выделенные первым якутским воеводам: «только в Енисейском остроге от воеводы Н.Л. Веревкина якутские воеводы получили "в ленской подъем" "44 дощаника и шитиков, да на павоски к порогам и под завозы и для бечевного ходу болших малых 44 лодки, 3 паруса, а в них 1 507 аршин холсту нового в парусу ж, 10 фунтов свечей на свечи завозенных, 4 коната, 44 бечевы по 2 спуска на дощеник, по 50 сажен спуск, 2 000 скоб судовых, 10 ведр смолы...» [Иванов, 1999, с. 80]. Якутское воеводство получило в своё распоряжение обширный регион, начинающийся с бассейна Лены и упирающийся в побережье Тихого океана. С 1638 г. большая часть землепроходческих экспедиций в северо-восточной Азии стали направляться по распоряжению якутского воеводства, разумеется, на основе царского наказа, например, «Наказа царя Михаила Фёдоровича первым якутским воеводам Петру Головину и Матвею Глебову по вопросам управления новым Якутским уездом» [Иванов 1999, с. 171–196]. Сосредоточимся на юго-восточном направлении землепроходцев в виду того, что именно в этом направлении Якутский уезд имел «прямое пограничье», поскольку на северо-востоке не зафиксировано иностранного присутствия в рассматриваемый период, а южные и юго-западные границы Якутского уезда были смежными с границами других уездов Российского государства. Среди организованных якутскими воеводами экспедиций землепроходцев, свидетельствующих о внешнеполитических действиях служилых людей Якутского уезда, можно выделить следующие походы В.Д. Пояркова (1643–1646), Е.Ф. Хабарова (1649–1650, 1651–1653), О. Степанова (1653–1658). Информацию о данных походах узнаём из следующих документов Якутской приказной избы:

1. «Наказная память составленная воеводой Головиным письменному голове Василию Пояркову о походе на реки Зея и Шилка» (1643) [Чтения в Императорском..., 1861, с. 371–383], «Акты о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море» [Дополнения к актам, 1869а, с. 50–61], состоящие из «Извещения о письменном голове Василии Пояркове новому воеводе В. Пушкину», «Отписке воевод о походе Василия Пояркова на р. Амур и челобитной, оправдывавшей противоречивые действия В. Пояркова» (1649 г.).

2. «Отписка якутского воеводы Дмитрия Францбекова, о походе промышленника Ерофея Хабарова на реку Амур» (1650 г.) [Дополнения к актам, 1869а, с. 258–261]. «Наказ якутского воеводы Димитрия Францбекова «опытовщику» Ерофею Хабарову, о походе в Даурскую землю» [Акты исторические, 1841–1842, с. 67–70]. «Отписка якутскому воеводе

Дмитрию Францбекову Ерофея Хабарова, о военных действиях его на реке Амур и о прочем» (1652 г.) [Дополнения к актам, 1869а, с. 359–371].

3. «Отписка Якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому приказного человека Онуфрия Степанова, о плавании его по реке Амуру для сбора ясака и прочее» (1656 г.) [Дополнения к актам, 1869б, с. 80–83]. «Книга сбора ясака с князцов и улусных людей на реках Амуре, Шингале и Ушуре в «Новых» Даурских, Дучерских и Гиляцких землях приказчика Ануфрия Степанова и целовальника Василия. 11 июня – 18 декабря 1655 г.»⁶⁵

Из документов группы 1 становится понятно, что поход Василия Пояркова был, по своей сути, разведкой региона от истоков р. Алдан и р. Учур до берегов р. Амур (от впадения в него р. Шилка и до устья). Отрывочные сведения о данном регионе поступали и раньше, но В. Поярков предоставил наиболее подробную и полную картину о нём. Кроме того, он выяснил, что живут там инородцы, которые находятся в подданстве «Борбоя» (по-видимому, китайского императора) [Дополнения к актам, 1869а, с. 52], и инородцы, которые «ясаку никому не дают» [Дополнения к актам, 1869а, с. 55]. С последних, кои были гиляками, он и взял ясак. Таким образом, В. Пояркову был поручен ряд заданий, среди которых было в том числе и узнать о взаимоотношениях Китая и инородцев, живущих близ р. Амур. В наказной памяти, которую дали ему первые якутские воеводы, присутствует следующая формулировка: «...всякими мерами спрашивать иноземцов накрепко по одному, ... какие на Шилке реке люди, и много ли их, и о себе ли живут, или ясак кому с себя дают; и про то спрашивать же накрепко, ... и есть ли на Шилке реку из Китайского Государства приход, и будет есть, и судами ль приходят, или конми, и по скольку человек приходят, и что хто в роспросе скажет, и то по тому ж писать на роспись имянно...» [Чтения в Императорском, 1861, с. 377]. Тем не менее данную задачу В. Поярков выполнить не смог, однако важен сам факт того, что якутские воеводы стали предпринимать целенаправленные попытки установить контакты с другим государством.

Документы из группы 2 свидетельствуют о походах Е. Хабарова и сразу же можно отметить тот факт, что инициатива поступила от самого Ерофея Хабарова, а воевода, очевидно, был сам заинтересован в данных походах [Ладыгина, 2020]. Если поход В. Пояркова был больше разведкой, то целью данных походов уже было именно объясачивание и приведение в подданство инородцев, в т. ч. и тех, кто уже был под властью императора Китая (династии Цин). Первый был менее удачный, потому что местные иноверцы – дауры – сбежали со своих прежних мест, а второй поход был нацелен не только на объясачивание, но и в целом на колонизацию земель, которые находились под властью Цин. Поход шёл с переменным успехом, сопровождаясь различными стычками между отрядом Хабарова с одной стороны и дауров, поданных Цин, с другой стороны. Упоминается даже случай пленения китайцев, которые, вероятно, отправлялись к даурам в качестве помощи из Китая.

В 1653 г. Хабарова из-за жалоб со стороны его отряда [Полевой, 1995] заменяют на Онуфрия Степанова, который, несмотря на дачу ему отдельной наказной памяти непосредственно от человека из Москвы – московского дворянина Д. Зиновьева, который был отправлен в ответ на челобитную от служилых людей Хабарова, в целом продолжал дела, которые поручил некогда Д. Францбеков Хабарову [Дополнения к актам, 1869а, с. 523–528]. Из документов группы 3 ясно, что О. Степанов отчитывается в том числе и якутскому воеводе, к тому времени уже М. Лодыженскому, что в принципе делает его служилым человеком Якутского уезда, более того, отправился он в поход вместе с Е. Хабаровым. В последующие 5 лет О. Степанов продолжит попытки закрепить территории проживания дауров – данников китайского императора – за Россией, а также объясачить прочее местное население, но будет взят в плен и, очевидно, погибнет в плену, а отряд отступит в Якутск и Забайкалье, однако оставив после себя ряд острожков и зимовий [Артемьев, 1999]. Что действия Е. Хабарова, что действия О. Степанова вполне можно считать за открытые военные действия, начатые по инициативе именно служилых людей Якутского уезда.

⁶⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Оп. 4. Д. 520. Л. 1–32.

Логически связаны с данными походами следующие, весьма интересные документы: «Грамота, посланная якутским воеводой Д.А. Францбековым князю Богдою о принятии русского подданства» (1650 г.) [Сын Отечества, 1840], а также «Грамота, посланная якутским воеводой Д.А. Францбековым князю Шамшакану о принятии русского подданства» (1651) [Акты исторические, 1841–1842, с. 72–73]. Д. Францбеков отличался твёрдым характером и в весьма грубой форме в первой Грамоте, по-видимому, недооценив ситуацию, решает психологически надавить на «князя Богдаю» (вероятно, китайского императора), чтобы тот признал власть русского царя и перешёл в его подданство вместе с даурами, дючерами и прочими подвластными ему народами. Первая Грамота, судя по всему, до получателя не дошла, поскольку Хабаров в своих отписках отрицает существование «князя Богдаю». После чего Д. Францбеков, очевидно, переписывает свою первую Грамоту в более сдержанный тон и направляет её повторно через Е. Хабарова, называя «князя Богдаю» уже как «князь Шамшакан» (по-видимому, это император Шуньчжи [Shunzhi: emperor of Qing dynasty...]). На эту грамоту по косвенным свидетельствам Е. Хабарова китайский император реагирует: во время очередной стычки с даурами, где присутствовали в т. ч. люди из империи Цин, последние отступили, и, по словам пленных дауров, причина заключалась в том, что сам «князь Шамшакан не велел с русскими людьми драться» [Иванов, 1999, с. 128]. Более того, на следующий день от имени правительства династии Цин прибыл представитель, но из-за языкового барьера дельного разговора не получилось, но обе стороны, по свидетельству Хабарова, решили «свидетаться честно». Тем не менее дальше актуальность данных грамот пропала, т. к. китайцы продолжили атаковать отряд Хабарова неожиданно из засады. Говоря в целом, данные Грамоты вполне можно назвать попыткой ведения дипломатических переговоров с Китаем, причём по инициативе якутского воеводы.

В 1653 г. был заложен Нерчинский острог вблизи р. Шилка, а в 1658 г. учреждено отдельно Нерчинское воеводство. С этого момента основная нагрузка на взаимоотношения с Китаем ложится на воеводу Нерчинска [Багрин, 2021], более того, сам Алексей Михайлович организует торговый караван в Китай [Романова, 2014, с. 103]. Якутский воевода сосредотачивается на дальнейшем освоении северо-восточного направления. Однако на протяжении почти всего XVII в. вплоть до подписания Нерчинского договора 1689 г. [Яковлева, 1958] Якутский острог, как и весь Якутский уезд, продолжает рассматриваться Москвой как опорный пункт Восточной Сибири в случае военной экспансии династии Цин. Обоснованным доказательством этому может служить проведённое якутскими воеводами в 1681–1687 гг. масштабное укрепление Якутского острога при очередном переносе. В процессе него он претерпел значительное переустройство. Получив более удачное месторасположение, острог также превратился в мощную крепость: «стены были уже не тыновыми, а срубными, в них стояли 2 проезжие и 6 глухих башен. Длина каждой стены составляла 60 саженей (128 м). Высота глухих башен достигала 9 (19,2 м), а проезжих – 14 саженей (29,87 м)» [Крадин, 1990, с. 97]. Более того, в 1684 г. в Якутский уезд в качестве воеводы был назначен Матвей Осипович Кровков – один из первых русских служилых людей, удостоенных чина «генерала», участник Второго Чигиринского похода [Половцов, 1903, с. 445–446]. По всей видимости, в 1670–1680-е гг. в связи с усложнением обстановки на границах с империей Цин царское правительство всерьёз опасалось экспансии китайских войск, в том числе и на территорию Якутского уезда.

Кроме того, у Якутского уезда оставались в подчинении прибрежные территории Охотского моря от р. Охота до р. Уда, которые практически напрямую граничили с владениями, которые империя Цин считала своими, так что опасение Москвы были вполне обоснованными. В 1679 г. было основано Удское зимовье, которое впоследствии превратилось в острог, и оно фактически стало пограничной крепостью, через которую продолжались весьма активные контакты китайцев с якутскими служилыми людьми [Сафронов, 1978, с. 21]. Так, известны два письма: «Письмо сына боярского Леонтия Трифонова Китайским воеводам, в ответ на предложение их о размене Тунгусов на Русских, взятых Китайцами на реке Тугире, и о проведении границ, и о прекращении неприязненных действий» [Дополнения к актам, т. 10,

1869в, с. 261–262] и «Письмо Китайских воевод приказному Удского острожка Андрею Амосову по поводу неприязненных действий Русских против Китайцев» [Дополнения к актам, 1869в, с. 263], и по ним видно, что Якутский уезд, несмотря на «отход на второй план» по вопросам внешней политики страны, всё же сохранял частично своё пограничное положение, и якутским служилым людям необходимо было организовывать торговлю и переговоры с Китайским государством. Таким образом, видно, что Якутский уезд дал начало активным русско-китайским отношениям, и даже после появления Нерчинска продолжал сохранять свою роль в качестве пограничной территории и резерва на случай падения Нерчинска под натиском войск империи Цин.

К концу XVII в. участвовавшие случаи бегства якутов «в Дауры», т. е. в Цинский Китай, из-за злоупотреблений ясачных сборщиков были пресечены строгими мерами якутского воеводы Д.А. Траурнихта в отношении последних, поэтому беглецы вскоре стали возвращаться, что, несомненно, снимало внешнеполитическую напряжённость в регионе [Романов, 1956, с. 13–24].

Таким образом, можно сделать вывод, что в компетенции Якутского воеводского управления находились следующие внешнеполитические функции:

- деятельность по колонизации новых земель;
- ведение переговоров с представителями иностранных государств;
- ведение военных действий;
- налаживание торговых отношений с иноверцами и иностранными государствами.

Очевидно то, что в документах Якутской воеводской канцелярии вопросы внешней политики видны не столь явно, но с точки зрения современной терминологии рассмотренные действия можно считать внешнеполитическими. Постепенно с конца XVII – начала XVIII вв. роль якутских воевод в регионе начала снижаться вследствие начавшихся административно-территориальных изменений.

Заключение

Таким образом, в работе были рассмотрены наиболее крупные действия администрации и служилых людей Якутского уезда. Исходя из «наказов», которые отправляли им из столицы, Якутский острог, несмотря на значительную удалённость от Китая, рассматривался царями как один из ключевых опорных пунктов на Дальнем Востоке на протяжении всего XVII в. Говоря о деятельности якутских воевод и подчинённых им людей, можно отметить, что они, исполняя волю Государя, вероятно, мало представляли себе, с кем имеют дело. Однако это не уменьшает их весьма значимой роли в самых первых контактах с Китайским государством. Несмотря на то, что ключевую роль в разрешении противоречий между Россией и Китаем будет играть Нерчинское воеводство, Якутское воеводство вступило в противостояние с китайскими властями и заложило основы в 1630–1650-х гг. для весьма успешной деятельности нерчинских служилых, а в дальнейшем играло роль заслона как с точки зрения запасного опорного пункта на случай экспансии Китайского государства, так и с точки зрения налаживания благоприятных отношений со значительной частью инородцев дальневосточного региона, ведь от их лояльности также зависели и успехи русских в столкновениях с империей Цин. Более того, Якутский уезд географически сохранил своё пограничное положение за счёт Охотско-Удского междуречья.

Список источников

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Оп. 4. Д. 520. Л. 1–32.
Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869а. 572 с.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869б. 452 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 10. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869в. 516 с.

Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амур в 1649. *Сын Отечества*. – 1840. 1: 99–101. 927 с.

Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Книга первая. Москва, Тип. Университетская типография, Январь-Март 1861. 626 с.

Список литературы

- Аржакова С.К., Пестерев В.И., Лыткин В.М. и др. 2012. Иллюстрированный атлас Республики Саха: новейшие карты, цифры, факты. Якутск, Бичик, 227 с.
- Артемьев А.Р. 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток, Приморский полиграфический комбинат, 335 с.
- Багрин Е.А. 2021. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 3: 14–33.
- Ерошкин Н.П., Иванов А.Е., Степанский А.Д. 2008. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. Москва, РГГУ, 710 с.
- Иванов В.Н. 1999. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 199 с.
- Крадин Н.П. 1990. Старый Якутск. *Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. 2(22): 95–110.
- Ладыгина О. Путь к Амуру: экспедиция Ерофея Хабарова. 2020. Официальный сайт Русского географического общества (РГО) URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/put-k-amuru-ekspeditsiya-erofeya-khabarova/> (дата обращения: 02.12.2024).
- Полевой Б.П. 1995. Известная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее назначение для археологов Приамурья. Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования: сборник научных трудов, т. 2. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: 7–30.
- Половцов А.А. 1903. Русский биографический словарь. Том 9. Кнаппе – Кюхельбекер. Санкт-Петербург, Тип. Главного Управления Уделов, 670 с.
- Романов Н.С. 1956. Ясак в Якутии в XVIII в.: дис. канд. ист. наук: Якутск, Якуткнигоиздат, 104 с.
- Романова Г.Н. 2014. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.). *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2(67): 101–112.
- Сафронов Ф.Г. 1978. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. Москва, Наука, 258 с.
- Удский острог. Записки Гродековского музея. «Пути великих свершений». Историко-географический проект URL: <https://pvs-rgo.ru/2023/01/30/udskij-ostrog-zapiski-grodekovskogo-muzeya/> (дата обращения: 29.12.2024).
- Яковлева П.Т. 1958. Первый русско-китайский договор 1689 года. Москва, АН СССР, 212 с.
- Shunzhi: Emperor of Qing Dynasty. Encyclopædia Britannica, URL: <https://www.britannica.com/biography/Shunzhi> (дата обращения: 07.01.2025).

References

- Arzhakova S.K., Pesterev V.I., Lytkin V.M. i dr. 2012. Illjustrirovannyj atlas Respubliki Saha: novejšhie karty, cifry, fakty [Illustrated Atlas of the Sakha Republic: Latest Maps, Figures, Facts]. Jakutsk: Bichik, 227 p.
- Artem'ev A.R. 1999. Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII – XVIII vv. [Cities and Stockaded Towns of Transbaikalia and Amur Region in the Second Half of the XVII–XVIII Centuries]. Vladivostok, Primorskij poligraficheskij kombinat, 335 p.
- Bagrin E.A. 2021. Vooruzhennye sily Nerchinskogo uezda v 1660–1670-e gg.: k voprosu o krizise sistemy oborony Vostochnogo Zabajkal'ja [The Armed Forces of Nerchinsk Uyezd in the 1660s and 1670s: on the Issue of the Crisis of the Defense System of Eastern Transbaikalia]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 3: 14–33.
- Eroshkin N.P., Ivanov A.E., Stepanskij A.D. 2008. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [The History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia]. 5-e izd. Moscow, RGGU, 710 p.

- Ivanov V.N. 1999. Vhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Entry of Northeast Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka. Sib. izd. firma RAN, 199 p.
- Kradin N.P. 1990. Staryj Jakutsk [Old Yakutsk]. *Pamjatniki Otechestva: Al'manah Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury*. 2(22): 95–110.
- Ladygina O. Put' k Amuru: jekspedicija Erofeja Habarova [The Way to Amur: the Expedition of Yerofey Khabarov]. 2020. Oficial'nyj sajt Russkogo geograficheskogo obshhestva (RGO) URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/put-k-amuru-ekspeditsiya-erofeya-khabarova/> (data obrashhenija: 02.12.2024).
- Polevoj B.P. 1995. Izvestnaja chelobitnaja S.V. Poljakova 1653 g. i ee naznachenie dlja arheologov Priamur'ja. Russkie pervoprophodcy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. [The Famous Petition of S.V. Polyakov in 1653 and its Purpose for Archaeologists of the Amur Region. Russian Pioneers in the Far East in the XVII–XIX Centuries]: Istoriko-arheologicheskie issledovanija: sbornik nauchnyh trudov, t. 2. Vladivostok, Institut istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN: 7–30.
- Polovcov A.A. 1903. Russkij biograficheskij slovar'. Tom 9. Knappe – Kjuhel'beker [Russian Biographical Dictionary. Volume 9. Knappe – Kuchelbecker]. Saint-Petersburg, Tip. Glavnogo Upravlenija Udelov, 670 p.
- Romanov N.S. 1956. Jasak v Jakutii v XVIII v. [Yasak in Yakutia in the XVIII Century]: dis. kand. ist. nauk: Jakutsk, Jakutknigoizdat, 104 p.
- Romanova G.N. 2014. Stanovlenie rossijsko-kitajskih torgovyh svjazej (XVII – pervaja tret' XVIII v.) [The Formation of Russian-Chinese Trade Relations (XVII – the First Third of the XVIII Century)]. *Tamozhennaja politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2(67): 101–112.
- Safronov F.G. 1978. Russkie na Severo-Vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye ljudi, krest'jane, gorodskoe naselenie [Russians in Northeast Asia in the 17th – Mid-19th Centuries: Management, Service People, Peasants, Urban Population]. Moscow, Nauka, 258 p.
- Udskij ostrog. Zapiski Grodekovskogo muzeja [The Udsy Stockaded Town. Notes from the Grodek Museum]. "Puti velikih svershenij" Istoriko-geograficheskij proekt URL: <https://pvs-rgo.ru/2023/01/30/udskij-ostrog-zapiski-grodekovskogo-muzeja/> (data obrashhenija: 29.12.2024).
- Jakovleva P.T. 1958. Pervyj russko-kitajskij dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, AN SSSR, 212 p.
- Shunzhi: Emperor of Qing Dynasty. Encyclopædia Britannica, URL: <https://www.britannica.com/biography/Shunzhi> (дата обращения: 07.01.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2025

Received 27.01.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Accepted 22.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Арсений Андрианович, студент Исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0009-0008-8025-5084](https://orcid.org/0009-0008-8025-5084)

Arseniy A. Borisov, Student of the Faculty of History, Northeastern Federal University, Yakutsk, Russia

Борисов Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8285-6421](https://orcid.org/0000-0002-8285-6421)

Andrian A. Borisov, Doctor of Sciences in History, Chief Researcher of the Department of History, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia